

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

12

Детской

■ 2015 (198)

6+

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Рождество

**СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО
ТВОРЧЕСТВА:**
Амадей Моцарт

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Оскар Уайльд
Счастливый принц

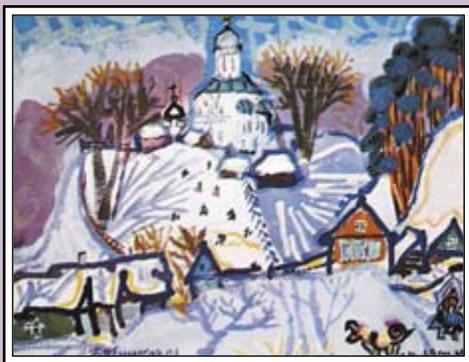
А. А. Пластов. «Первый снег»

С Новым годом! С Рождеством Христовым!

Александр Твардовский **Опять зима**

Кружась легко и неумело,
Снежинка села на стекло.
Шёл ночью снег густой и белый —
От снега в комнате светло.
Чуть порошит пушок летучий,
И солнце зимнее встаёт.
Как каждый день, полней и лучше,
Полней и лучше новый год...
Щенка прогуливает тётя.
Щенок расстался с поводком.
И вот на бреющем полёте
Летят вороны за щенком.
Сверкает снег...
Какая малость!
Печаль, куда же ты девалась?

Т. Маврина
Звенигород

В номере:

3

Оскар Уайльд

Замечательная ракета. Счастливый Принц

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Великолепный часослов герцога Беррийского: одна из прекраснейших книг в истории мировой культуры

21

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Иван Шмелёв

Рождество

24

УГОЛОК РОССИИ

Сергей Иванов

Приютино: от Крылова до Рубцова

27

УМЕЛЫЕ РУКИ

Юлия Часовских

Объёмная снежинка

28

ЖИВОЙ УГОЛОК

Николай Сладков

**Суд над Декабрём
Жалобы на сугробе**

30

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядкин

Достижения цивилизации: что такое телевизор

32

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА

Праздничный новогодний стол

33

БУХТИНЫ

Даниил Хармс

Был Володя на ёлке...

33

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Как встречают Новый год

33

ИГРОТЕКА

34

РАССКАЗЫ

Сергей Макеев

Дед Мороз тоже человек

35

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное
редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге

агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 5332

© «Роман-газета», 2015 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Оскар Уайльд СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

СКАЗКИ

Художник О. Ионайтис

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА

Королевский дворец шумел, как разбуженный улей. Служанки мыли окна, лакеи украшали комнаты цветами, а стражники начищали до блеска свои заржавевшие сабли. Все готовились к свадьбе молодого принца. Целый год Принц ждал свою невесту. Она ехала из далёкой России, и только сегодня заснеженные сани примчали её в город. Шестерка красавцев-оленей без усталости везла Принцессу от самой Финляндии. Сани были похожи на серебряного лебедя, а между крыльями у него сидела невеста. На голову её был надет маленький серебряный венец, а длинная мантия из горностая спадала от плеч до земли. Она была бела, как снег на её родине.

«Точь-в-точь белая роза», — восхищались горожане и бросали цветы к её ногам.

У ворот замка её уже ждал Принц. Он опустился на одно колено и поцеловал руку своей невесты. «Ваш портрет был красив, но вы прекрасна», — промолвил он. И нежный румянец покрыл ли-

цо Принцессы. «Белая роза стала алой», — шепнул своему соседу юный паж. И уже вечером в замке только и было слышно: «Белая роза, алая роза». Король повелел увеличить вдвое жалованье пажу. Впрочем, он никакого жалованья никогда не получал, поэтому и проку ему от этого не было. Зато какая честь! Портрет пажа напечатала Придворная Газета.

Через три дня праздновали свадьбу. Жених с невестой рука об руку прошептались в парадную залу, украшенную пурпурным бархатом и драгоценным жемчугом. Заиграли Королевские Музыканты, и начался свадебный пир. Принц и Принцесса сидели во главе стола, а перед ними стояли две чаши из волшебного хрусталя. Только тот, кто любит по-настоящему, может пить из такой чаши. Стоит к ней прикоснуться лживым устам, как стекло тускнеет, а прекрасное королевское вино превращается в мутную воду.

«Они чисты, как этот хрусталь!» — воскликнул юный паж, и король ещё раз удвоил его жалованье. «Ах!» — сказали придворные.

После пира был устроен бал. Жених и невеста танцевали свадебный танец, а Король играл для них на флейте. В сущности, он играл очень плохо, но никто не осмеливался ему это сказать, ведь он был Королём. Он знал только две мелодии, и никогда не был уверен, какую же именно он играет. Но это не имело никакого значения, потому что придворные все равно приходили в восторг. «Очаровательно! — говорили они. — Какой тонкий слух!»

В конце праздника, ровно в полночь, должен был начаться грандиозный фейерверк. Молодая Принцесса никогда в своей жизни не видела ни салюта, ни взрывающихся петард, поэтому Придворному Инженеру было велено сопровождать Их Величества на свадьбе (мало ли, что может случиться!). «Фейерверк? — спросила Принцесса Принца. — А что это?» «Это похоже на Утреннюю Аврору, — поторопился сказать Король, который очень любил встречать в чужие разговоры. — Но фейерверк гораздо лучше звёзд, потому что всегда знаешь, где должно засверкать. Небо становится почти таким же красивым, как моя игра на флейте. Вам обязательно надо посмотреть на это».

Итак, в дальнем конце сада днём и ночью шли приготовления. Как только Придворный Инженер всё окончательно расставил по своим местам и ушёл, началось самое интересное.

«Как прекрасен мир!» — выкрикнула маленькая Петарда. — Только взгляните на эти жёлтые тюльпаны. Даже хлопушки не так красивы! Как я рада, что мне пришлось попутешествовать. Странствия освежают ум и избавляют от всех предрассудков».

«Дурочка, — сказала большая Римская Свеча. — Мир — это не королевский дворец. Мир слишком велик, и надо потратить не меньше трёх дней, чтобы хорошенько в нём разобраться».

«Где увидишь любовь, там и будет твой мир, — произнесла задумчивая Огненная Карусель. В молодости она была влюблена в старую еловую шкатулку, а сейчас ей оставалось только гордиться своим разбитым сердцем. — Но любовь

нынче не в моде, её погубили поэты. Они так часто писали о ней, что им уже никто не верит. И это не удивительно. Настоящая любовь страдает, страдает и молчит. Я помню, как когда-то... Но не будем об этом! Любовь уже в прошлом».

«Чушь! — сказала Римская Свеча. Любовь ни в каком не прошлом. Она как луна на небе, и живёт вечно. К примеру, жених и невеста искренне любят друг друга. Я всё про них знаю от коричневой гильзы, с которой мы оказались в одном ящике. Она рассказала мне все придворные новости».

Но Огненная Карусель лишь меланхолично качала головой. «Любовь умерла, любовь умерла...» — вздыхала она. Она была из тех, кто думает, что если повторить слова миллион раз, они и на самом деле станут правдой.

Внезапно раздался резкий, суховатый кашель. Все огляделись. Это был продолговатый Патрон Для Фейерверка, привязанный к концу длинной палки. Вид у него был крайне заносчивый, и прежде, чем что-нибудь сказать, он обязательно покашливал, привлекая внимание.

«Гм, Гм!» — сказал Патрон. Все затихли, только Огненная Карусель всё покачивала головой, бормоча: «Любовь умерла, любовь...»

« Попрошу внимания!» — прокричала хлопушка. Когда-то она хотела заниматься политикой, и перво-наперво выучила все парламентские выражения.

«Сгинула навеки», — шепнула Карусель и заснула. В наступившей тишине Патрон Для Фейерверка кашлянул ещё раз и начал свою речь. Он говорил медленным и чётким голосом, словно диктуя кому-то очередной том своих воспоминаний. При этом он никогда не смотрел на собеседника, а устремлял свой взгляд в даль. Честное слово, у него были отвратительные манеры!

«Колесо фортуны, — сказал он, — сегодня повернулось к юному королевичу. Его свадьба состоится в тот самый день, когда я совершу свой полёт. Следует предположить, что день для праздника был выбран специально под мое выступление. Впрочем, принцам всегда везёт».

«Старина, — сказала Петарда, — ты всё перепутал. Это как раз нас запустят в честь Принца».

«Вас, — холодно заметил Патрон, — без сомненья. Но не меня. Я — особенный. Ещё мои родители были людьми необыкновенными. Моя мать была самой известной Огненной Каруселью своего времени. Её танцы отличались особым изяществом. Во время своего последнего выступления она успела прокружиться девятнадцать раз, и при

«Я говорил про... — продолжил Патрон Для Фейерверка. — Что я, собственно, говорил?»

«Вы рассказывали про себя», — ответила Римская Свеча.

«Да, да, конечно! Я помню, что меня так грубо прервали на самом интересном месте. Ненавижу грубость и дурной тон. Я очень чувствителен. Никто,

каждом пируэте бросала в тёмное небо по семь малиновых звёздочек. Она была ростом в полтора метра и начинена лучшим порохом. Мой отец был, как и я, Патроном, и притом французского происхождения. Он взлетел так высоко, что люди начали волноваться, вернётся ли он обратно. Не желая их огорчать, он вернулся, рассыпавшись в воздухе золотым дождём. Газеты захлёбывались от восторга, описывая этот изумительный полёт. Придворные Новости назвали его шедевром Пилотехнического Искусства».

«ПИРО, Пиротехнического, — встрял Бенгальский Огонь. — Уж я-то знаю, что ПИРОтехнического, так было написано на моей коробке».

«Я сказал ПИЛОтехнического», — ответил Патрон таким строгим голосом, что Бенгальский Огонь почувствовал себя совершенно раздавленным, и ни с того ни с сего начал пихать маленькую шутиху. Надо же было показать, что он ещё что-то значит.

никто, кроме меня так не переживает обиду».

«Что значит — чувствителен?» — спросила Петарда Римскую Свечу.

«Это про того, кто, натерев себе мозоль, сразу наступает на чужие», — шепнула ей на ухо Свеча, и Петарда расхохоталась.

«Что это тебя рассмешило? — мигом отозвался Патрон. — Я не смеялся».

«Мне весело, потому что я счастлива», — ответила Петарда.

«Смех без причины — признак дурачины, — сердито сказал Патрон. — Кто дал тебе право смеяться? Надо думать о других, а лучше всего — обо мне. Я всегда так делаю, и другим рекомендую. Это называется сострадание. Прекрасная добродетель, и я ей обладаю в полной мере. Только представьте, какое горе всех постигнет, если, к примеру, что-нибудь случится со мной сегодня ночью. Принц с Принцессой никогда больше не будут счастливы, их совместная жизнь будет испорчена в самом её нача-

ле. А Король... Король, я знаю, этого не переживёт. Когда я задумываюсь над всей значительностью своего положения, я готов плакать».

«А вот этого делать не стоит, — предупредила Римская Свеча. — Если хочешь доставить удовольствие другим, лучше оставаться сухим».

«Конечно! — вскричал Бенгальский Огонь, которому вернулось его хорошее настроение. — Это каждому ясно».

«Каждому! — негодуяще сказал Патрон. — Ты забываешь, что я совсем не КАЖДЫЙ! Я — особенный!

«Каждому ясно!» Каждому, у кого нет воображения. А у меня оно есть. Я никогда не представляю себе вещь такой, какой она есть на самом деле. Я представляю её совсем иной. Что до моей персоны, то меня здесь никто не понимает. К счастью, меня это и не особенно тревожит. Единственное, что придаёт сил в нашей жизни, это сознание неполноценности всех остальных; как раз такое чувство я всё время в себе воспитываю. Но как вы бессердечны! Вы смеётесь и веселитесь, будто Принц и Принцесса так и не поженились».

«Что же тут плохого? — удивился маленький разноцветный Надувной Шар. — У нас такая радость. Когда я взлечу ввысь, я обязательно расскажу про свадьбу всем звёздам. Вы увидите, как они замерцают, когда я им расскажу про прекрасную невесту».

«Какой обыденный взгляд на жизнь! — сказал Патрон. — Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Посмотри на себя — пустая сфера, и больше ничего. Возможно, Принц и Принцесса отправятся в горы, где текут быстрые шумные реки. Возможно, у них будет единственный сын, с такими же золотистыми волосами и фиолетовыми глазами, как и Принц. Возможно, он отправится с кормилицей на прогулку, а та преспокойно заснёт под каким-нибудь деревом. Тогда мальчик упадёт в бурную реку и погибнет. Какое горе! Бедные, бедные родители, потерявшие единственного сына! Я этого не переживу».

«Но они же никого не потеряли, — возразила Римская Свеча. — И никакого несчастья с ними не случилось».

«Я этого и не говорил. Я сказал “возможно”. Если бы их единственный сын уже погиб, то незачем было об этом и

разговаривать. Зачем дуть на молоко, когда оно убежало? Но мысль о том, что они могут лишиться любимого сына, потрясает меня до глубины души».

«И правда! — прокричал Бенгальский Огонь. — Ты самый потрясённый из всех, кого я знаю».

«А Вы самый грубый из тех, кого я знаю! — ответил Патрон Для Фейерверка. — Вам не понять моей дружбы с принцем».

«Да ты даже не знал его никогда», — проворчала Римская Свеча.

«Я этого и не говорил, — ответил Патрон. Боюсь, что если бы я его знал, он бы не смог быть моим другом. Очень опасно знать своих друзей».

«Все же лучше бы Вам оставаться сухим, — робко сказал Надувной Шар. — Это очень важно!»

«Важно для всех вас! — крикнул Патрон. — А я выбираю рыдать».

Тут он разразился слезами, которые стекали подобно каплям дождя и намочили двух Божьих Коровок. Они только нашли сухое место, чтобы построить себе дом, как невеста откуда взявшаяся вода расстроила их планы.

«Какая романтическая натура! — сказала Огненная Карусель. — Он плачет даже без всякого повода». И она глубоко вздохнула, вспомнив про еловую шкатулку.

«Чушь! Чушь!» — стали негодуяще кричать Римская Свеча и Бенгальский Огонь. Они были практического склада, и всё, что им не нравилось, называли чушью.

Но вот на небе засиял серебряный щит луны, стали видны звёзды, и из дворца понеслись звуки музыки. Принц и Принцесса открывали бал. Они танцевали так прекрасно, что высокие белоснежные лилии склонили свои изящные головки и застыли, глядя в окно замка, а большие красные маки покачивались в такт музыке. Часы на башне проббили десять, потом одиннадцать, а потом и двенадцать часов. При последнем ударе все вышли на террасу, и Король послал посыльного к Придворному Инженеру.

«Пора!» — сказал он.

Придворный Инженер низко склонился в ответ, и отправился в дальний конец сада. С ним пошли шестеро помощников, каждый из которых нёс в

руках факел на высоком шесте. Это было величественное зрелище.

«Вжж! Вжж!» — закрутилась быстрее и быстрее Огненная Карусель.

«Бум! Бум» — занялась Римская Свеча. Тут и там запрыгали, вспыхивая, Петарды. Загоревшиеся Бенгальские Огни окрасили весь небосвод в темно-красный цвет.

«До встречи!» — прокричал Надувной Шар, уносясь в небо и разбрасывая крохотные голубые огоньки.

«Бух! Бух!» — захлопали от восторга хлопушки. Всё шло как нельзя лучше. Только Необыкновенный Патрон Для Фейерверка всё лежал на своём месте. Он так промок от слёз, что ему было не до полётов. Лучшей его частью был ружейный порох, от которого сейчас не было никакого проку. Даже его бедные родственники, на которых нельзя было и смотреть без смеха, выстреливали вверх и расцветали золотыми цветами на небе.

«Ура, Ура!» — кричали придворные, а Принцесса звонко смеялась.

На следующий день пришли дворники, чтобы навести порядок.

«Очевидно, это делегация, — решил Патрон Для Фейерверка. — Что ж, приму их с достоинством». Он задрал свой нос и сурово нахмурил брови, будто размышляя о чём-то очень важном. Но на него никто не обратил внимания. Только уходя, один из дворников заметил его.

«А это что? Похоже на подмоченный Патрон».

И, перелетев через стену, Необыкновенный Патрон Для Фейерверка оказался в канаве. «ПОДМОЧЕННЫЙ ПАТРОН? ПОДМОЧЕННЫЙ? — думал он, переворачиваясь в воздухе. — Не может быть! ПОЗОЛОЧЕННЫЙ ПАТРОН, вот что сказал тот благородный человек. ПОЗОЛОЧЕННЫЙ и ПОДМОЧЕННЫЙ звучат очень похоже, к тому же одно часто оказывается другим», — заметил он, плюхаясь в грязь.

«Здесь не слишком-то комфортно. Наверное, это последний крик моды, — решил Патрон. — Без сомнения, меня решили отправить на воды для поправки здоровья. Это очень правильно. Мои нервы совсем распатались, и мне просто необходим отдых».

Пятнистая зелёная лягушка с маленькими сверкающими глазками быстро подплыла к нему. «А! У нас гости! — сказала она. — Да и кто откажется поваляться в грязи. Вы думаете, вечером будет сыро? Я тоже надеюсь, но, к сожалению, на небе ни облачка. Какая досада!»

«Гм, Гм!» — сказал Патрон Для Фейерверка и прокашлялся.

«Какой чудесный голос! — воскликнула лягушка. Вы почти квакаете, а что может быть музыкальней. Сегодня вечером вы услышите наш любительский оркестр. Мы даём премьеру в старом утином пруду рядом с фермерским до-

мом. Мы начнём, когда появится луна. Только вчера я слышала, как жена фермера говорила своей матери, что ни на минуту не сомкнула глаз из-за нашего выступления. Очень лестно услышать, каким мы пользуемся успехом».

«Гм, Гм!» — сердито закашлял Патрон. Он не мог вставить ни слова.

«Ну просто очаровательный голос! — продолжила лягушка. — Я надеюсь, вы заглянете к нам на пруд. Мне пора поискать моих дочерей. У меня шесть очаровательных малышей, и я боюсь, как бы они не встретили Щуку. Это настоящий монстр, она никогда не откажется ими позавтракать. Ну всё, счастливо оставаться. Смею вас заверить, я осталась очень довольна нашей беседой».

«И это называется беседой! — сказал, наконец, Патрон. — Вы говорили всё время без перерыва. Тоже мне беседа!»

«Кто-то же должен слушать, — ответила лягушка, — А я предпочитаю говорить сама. Экономит время, и никаких возражений».

«Но я очень люблю возражения», — успел вставить Патрон.

«Да что вы! — удивилась лягушка. — Возражать слишком вульгарно. В наше время в хорошем обществе все держатся одних и тех же мнений. Ещё раз — до встречи; я уже вижу моих дочурок».

И Лягушка уплыла.

«Вы меня очень раздражаете, — ответил Патрон. Вы слишком дурно воспитаны. Не переносу тех, кто всё время, как вы, говорит только о себе. В это время кто-нибудь другой, я, к примеру, может хотеть говорить про себя самого. Я это называю самолюбием, а самолюбие вещь самая отвратительная, я к этому особенно чувствителен. Дело в том, что я широко известен именно своим состраданием к другим. Говоря начистоту, вам надо брать пример с меня; где вы найдёте лучший образец? У вас редкий шанс — скоро мне придётся вернуться ко Двору. Я там пользуюсь большим успехом. Только представьте, сегодня в честь меня состоялась свадьба Принца с Принцессой. Впрочем, вы провинциалка, и наверняка про это и не слышали».

«Нет смысла с ней разговаривать, — сказала Стрекоза, сидевшая на большом камыше совсем рядом, — никакого смысла, потому что она уже уплыла».

«Это её проблемы, — ответил Патрон Для Фейерверка. — Я не собираюсь прерываться только потому, что ей и дела нет. Мне нравится слушать, что я рассказываю. Это одно из моих любимых дел. Я часто веду долгие разговоры сам с собой. Я так умён, что иногда не понимаю из них не слова».

«Тогда вам пора читать лекции по философии», — сказала Стрекоза и, расправив пару тонких красивых крыльев, взмыла вверх.

«Очень глупо с её стороны так неожиданно улетать, — продолжил Патрон. — Вряд ли ей часто предоставляется возможность поумнеть. Впрочем, мне до этого и дела нет. Ясно, что такого гения, как я, рано или поздно оценят по достоинству».

Тут грязь под ним громко чавкнула, и Патрон опустил поглубже.

Немного погодя, к нему подплыла Белая Утка. У неё были желтые лапки и походка настоящей красавицы.

«Кря, кря! — сказала она. — Какой забавный у вас вид. Скажите, вы так и родились или с вами произошёл несчастный случай?»

«Очевидно, вы всю жизнь прожили в провинции, — ответил Необыкновенный Патрон, — иначе бы вы хорошо знали, кто я такой. Но я закрываю глаза на ваше невежество. Не всем же быть необыкновенными. Без сомнения, вы будете поражены, когда услышите, что я умею взлетать в самое небо и возвращаться на землю ливнем из чистого золота».

«А зачем? — спросила Утка. — Вот если бы вы умели пахать, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как Колли нашего фермера, — тогда это было бы интересно».

«Дорогуша! — надменно сказал Патрон. — Вы, я вижу, принадлежите к нижним слоям общества. Человек с моим положением в свете просто не может приносить пользу. У нас есть определённые достоинства, и этого более чем достаточно. Трудолюбие мне ни капельки не симпатично. Я всегда был уверен, что тяжёлая работа — удел тех, кому больше нечего делать».

«Хорошо, хорошо, — согласилась Утка. Она была очень миролюбива, и никогда ни с кем не ссорилась. — На вкус и на цвет товарищей нет. Но, я на-

деюсь, теперь вы будете жить вместе с нами?»

«О, нет! — воскликнул Патрон. — Я здесь гость, выдающийся гость. Дело в том, что здесь мне скучновато. Здесь нет ни общества, ни уединения. Захолустье какое-то! Я обязательно вернусь во дворец; я знаю — мне дано удивить мир».

«Я тоже подумывала заняться обще-

глубже в грязь. Пришло время поразмыслить, как одиноки бывают гениальные личности.

Вдруг появилось двое мальчишек в светлых рубашках. Они мчались по берегу канавы с котелком и хворостом в руках.

«Это за мной, — сразу решил Патрон. — Делегация!» И он попытался

ственной жизнью, — заметила Утка, — на свете так много всего нужно исправить. Я принимала участие на большом съезде, где мы приняли резолюцию про всё, что нас не устраивает в мире. Но, похоже, она не имела большого успеха. Сейчас я занимаюсь только домашним хозяйством да присматриваю за своим семейством».

«А я создан для общественной жизни, — сказал Патрон, как и все мои родственники, даже самые неказистые. Как только мы появляемся в свете (точнее, во тьме), все взоры устремляются на нас. Я сам ещё не выступал перед обществом, но это будет величественное зрелище. Что касается домохозяйства, то оно поглощает лучшие дни нашей жизни и мешает думать о Возвышенном».

«Да, да, о Возвышенном! — согласилась Утка. — Как удачно вы мне напомнили, что пора бы и пообедать». И, громко крикая, она помчалась вниз по канаве.

«Вернитесь, вернитесь! — зывал Необыкновенный Патрон. — Я ещё не кончил!» Но всё было тщетно.

«Я рад, что она ушла, — сказал Патрон сам себе. Хоть она и утка, а мозги у неё куриные». Тут под ним что-то опять чавкнуло, и он погрузился ещё

принять достойный вид. «Ух, ты! — крикнул один из них. Смотри, какой грязный шест! Как он здесь оказался?» Мигом палка, к которой был привязан патрон, оказалась у них в руках. «ГРЯЗНЫЙ ШЕСТ? — удивился Патрон. Не может быть! ГРОЗНЫЙ ШЕСТ! Они перепутали меня со скипетром! Это очень лестно».

«Давай бросим его в костёр, — сказал второй мальчик. Может, котелок тогда быстрее закипит». Они сложили хворост в кучку, положили сверху патрон и поднесли спичку.

«Великолепно, — сказал Патрон Для Фейерверка, — они хотят запустить меня днём, чтобы все могли меня разглядеть».

«А мы пока поваляемся на траве», — решили ребята. Стоило им улечься под деревом, как глаза у них стали закрываться, и они, пару раз зевнув, заснули.

Патрон был насквозь мокрый, и долго не мог загореться. Наконец, огонь добрался до него.

«Я отправляюсь!» — закричал он и распрямылся. «Я полечу выше звёзд, выше луны, выше солнца, выше...»

«Вжж, вжж!» — И он взлетел вверх. «Восхитительно! — завопил Патрон. — Я буду лететь так вечно. Какой успех!»

Но никто его не заметил. Он почувствовал странное волнение, нарастающее внутри него. «Сейчас я взорвусь! Я запалю весь мир и сделаю такой шум, что целый год будут говорить только обо мне». И он действительно взорвался.

«Бум! Бум!» — загромыхал порох. Впрочем, никто его так и не услышал. Только один из мальчишек перевернулся во сне на другой бок. Всё, что оста-

лось от Необыкновенного Патрона Для Фейерверка, — это палка, к которой он был привязан. Палка шлёпнулась прямо на спину Гусыне, которая мирно прогуливалась по берегу канавы.

«Боже мой! — вскрикнула она. — Ну и времена! Дрова с неба на спину валяются». И Гусыня пустилась наутёк.

«Я знал, что произведу фурор!» — сказал Необыкновенный Патрон и погас.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

Счастливый Принц стоял на стройной колонне, возвышаясь над черепичными крышами и острыми шпильями. Его одежда была сшита из тонких листьев самого лучшего золота, глаза ему заменяли два светлых сапфира, а на рукояти его шпаги пылал ярко-красный рубин. Жители города были от него в восторге.

«Он прекрасен, как мой флюгер», — сказал Советник, которому очень хотелось, чтобы все знали про его тонкий художественный вкус. «Но не так полезен», — поспешно добавил он, опасаясь показаться непрактичным.

«Вот с кого надо брать пример! — говорили молодые мамы своим детям. — Счастливый Принц никогда не плачет».

«Как я рад, что хоть кто-то на этой земле действительно счастлив», — грустно промолвил кто-то в сером плаще, глядя на великолепный памятник из тёмной подворотни.

«Он совсем как ангел!» — говорили приютские девочки, когда шли домой из храма в своих красненьких курточках и чистых белых передничках. «Откуда вы знаете? — спросил Учитель Математики. — Вы же никогда не видели ангелов». «Видели, видели, — защебетали две сестрёнки, — они приходят к нам во сне». Учитель Математики сразу нахмурил брови и стал совсем строгим. Ему очень не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью над городом летел маленький Скворец. Его друзья ещё шесть недель назад улетели в далекий Египет, а он остался. Скворец был влюблён в прекрасную Тростинку. Он встретил её ранней весной, когда в погоне за жёлтым мотыльком летел вниз по реке. Его так очаровала её грациозность, что он остановился поговорить с ней. «Будьте моей женой», — решительно сказал Скворец. Он привык сразу братья за

дело. Тростинка сделала ему низкий поклон. И Скворец стал летать, летать вокруг неё, касаясь реки крыльями, и покрывая воду тонкой серебристой рябью. Так он провёл всё лето.

«Что за нелепая привязанность», — чирикали другие скворцы. — У неё совсем нет денег, к тому же родственников пруд пруди». И правда, вся река была запружена тростником.

Когда пришла осень, птицы улетели. Скворец почувствовал себя одиноким, и возлюбленная стала понемногу надоедать ему. «Она даже не умеет разговаривать, — заметил он. — Наверное, она кокетка — она всё время флиртует с ветром». Даже после лёгкого дуновения Тростинка рассыпалась множеством изящных реверансов. «Пускай она и домоседка, зато мне нравится путешествовать, значит, и жене моей должно нра-

виться». «Отправишься со мной?» — спросил он наконец. Но Тростинка лишь покачала головой — она так была привязана к своему дому... «Ты просто дурачила меня!» — вскричал он. — Что ж, прощай! — Меня ждут Фараон и Египетские Пирамиды. Счастливо оставаться!» И Скворец улетел.

Он летел весь день, и только ночью оказался в городе. «Где же мне переночевать? — подумал Скворец. — Надеюсь, Городские Власти уже приготовились к моему прилёту». Тут он увидел памятник, стоящий на высоченной колонне.

«Вот где я остановлюсь! — воскликнул Скворец. — Прекрасное местечко, и столько свежего воздуха!» И он устроился прямо между туфель Счастливого Принца.

«Сегодня у меня золотая спальня», — самодовольно оглядываясь, сказал он.

И только он хотел спрятать голову под крыло, как — кап! — откуда-то сверху на него упала капля. «Вот так история, — встрепенулся Скворец. — На небе ни облачка, все звёзды видно, и всё равно идёт дождь! Не зря говорят, что на Севере Европы отвратительный климат. Только этой дурочке тростинке мог нравиться дождик».

«Кап!» — и ещё одна капля упала на него. «Какой прок во всех этих памятниках, если они даже от воды не могут защитить. Полечу, поищу приличный дымоход». Не успел он раскрыть крыльев, как опять на него упала капля. Скворец сердито взглянул вверх, и ... Что же он увидел? Глаза Счастливого Принца были полны слёз, слёзы стекали по золотым щекам и падали вниз. Лицо его было так прекрасно в лунном свете, что маленькому Скворцу стало жаль Принца.

«Кто ты?» — спросил он. «Счастливый Принц». «Почему же ты плачешь? Я уже весь вымок».

«Когда я жил, и сердце у меня было человеческое, — отвечал памятник, — я не знал что такое слёзы. Я жил во Дворце Утех, куда запрещён вход печали. Днём я играл с друзьями в саду, а вечером открывал бал в Главной Зале дворца. Сад был обнесён высокой стеной, но мне и знать не хотелось, что за ней. Ведь вокруг всё было так прекрасно... Придворные звали меня Счастливым Принцем. О! Если удовольствия могут принести счастье, как я был счастлив! А потом я умер. И сейчас они поставили меня так высоко, что я вижу всю скорбь и всю нищету моего города. И хоть сердце у меня теперь оловянное, я не могу не плакать».

«Вот как! А я думал, он весь из золота», — подумал Скворец. Но он был слишком вежлив, чтобы делать замечания вслух.

«Далеко отсюда, — сказал Принц тихим нежным голосом, — есть тихая улица, а на ней старенький дом. Одно окно в нём открыто, и я вижу женщину, которая сидит за столом. У неё худое измученное лицо и усталые красные руки, все исколотые штопальной иглой. Она швея, и сейчас она вышивает Цветы Любви на атласном платье прекраснейшей из королевских фрейлин. Ей надо успеть к Придворному балу. В углу на

кроватке лежит её сын. Он тяжело болен, у него жар, и он просит апельсинов. Но в доме ничего нет, и мама может только напоить его водой из реки, поэтому он всё время плачет. Дорогой Скворец, отнеси ей, пожалуйста, рубин из моей шпаги. Мои ноги приросли к этой колонне, и я не могу сойти отсюда».

«Но меня ждут в Египте, — сказал Скворец. — Мои друзья уже давно летают над Великим Нилом, над его берегами, богатыми молоком и мёдом. Там они беседуют с огромными белыми лилиями. Скоро они полетят на ночлег в чертог Великого Тутанхамона. Сам Тутанхамон уже лежит там в своей раскрашенной усыпальнице. На нём жёлтое льняное одеяние, а вокруг курятся благовония. На шее у него ожерелья из зелёного нефрита, а руки похожи на осенние листья».

«Милый мой Скворец, неужели ты не удержишься на одну ночь и не сослужишь мне службу? Мальчику так тяжело в горячке, а его мать падает с ног от усталости».

«Вообще-то я не очень люблю мальчишек, — ответил Скворец. — Прошлым летом, когда я жил у реки, два здоровенных парня, дети мельника, всё время бросали в меня камнями. Конечно же они не попали. Мы, скворцы, слишком хорошо для этого летаем. К тому же моё семейство всегда отличалось быстротой и проворностью. Хоть попасть они и не могли, всё же это было явное неуважение с их стороны».

Но Счастливый Принц был так расстроен, что Скворцу стало немного стыдно. «Ладно, — пробурчал он, — я, так и быть, задержусь на ночь и сделаю, что ты меня просишь. Хотя всё-таки у вас здесь слишком холодно».

«Спасибо тебе, скворчонок», — сказал принц.

Скворец отколол большой рубин со шпаги Принца и понёс его в клюве над городскими крышами. Он пролетел около городского собора с мраморными ангелами, мимо замка, мимо радостных звуков бала и танцев. Прекрасная девушка стояла на балконе со своим возлюбленным.

«Какие здесь удивительные звёзды, — сказал он ей. — И как удивительна сила любви». «Я как раз приказала вышить Цветы Любви на моём новом

платье, — ответила она. — Надеюсь, оно будет готово к Придворному балу. Впрочем, эти швеи так ленивы».

Скворец пролетал над рекой и видел сигнальные огни на мачтах кораблей. Он пролетал над гетто и видел, как старые евреи торговались друг с другом, звеня медью. Наконец, он нашёл тот самый дом и заглянул внутрь. Бедный мальчик метался на своей кровати, а мама его так устала, что заснула склонившись над неоконченным платьем. Скворец впорхнул внутрь и положил рубин рядом с напёрстком. Потом он нежно облетел кровать мальчика и взмахами своих крыльев постарался развеять его жар. «Как хорошо, — прошептал ребёнок, — мне уже легче» — и забылся лёгким сном.

Скворец вернулся к Счастливому Принцу и рассказал ему всё, что сделал. «Забавно, — добавил он, — почему-то мне сейчас тепло, а вокруг по-прежнему холодно». «Это потому, что ты сделал доброе дело», — сказал Принц. Маленький Скворец задумался и заснул. Начав думать, он обычно сразу засыпал.

Когда выглянуло солнце, он полетел к реке и выкупался в ней. «Какой интересный случай!» — сказал Профессор Птичьих Наук, переходя над речкой по мосту. «Скворец зимой!» И он сразу написал про это большую статью в городскую газету. Жители с гордостью показывали друг другу этот номер — там было столько непонятных слов!

«Сегодня ночью я полечу в Египет», — сказал Скворец, и эта мысль его очень обрадовала. Он успел облететь все городские достопримечательности и даже посидел на шпиле городского собора. Где бы он ни появился, воробьи начинали щебетать. «Кто этот загадочный странник?» — спрашивали они друг друга. Скворец остался очень доволен собой. Когда наступила ночь и полная луна ярко светила на небе, он заглянул попрощаться к Счастливому Принцу.

«У тебя нет каких-нибудь поручений в Египте? — прокричал Скворец: Я сейчас как раз туда отправляюсь».

«Дорогой Скворец, — сказал Принц, — ты не останешься со мной ещё на одну ночь?»

«Но меня ждут в Египте, — ответил Скворец. — Завтра мои друзья полетят к Великому Водопаду. Там, среди камы-

шей, в зарослях таятся левиафаны. Там сидит на высоком гранитном троне царь Мемнон. Всю ночь он пристально смотрит на звёзды, а когда появляется первый солнечный луч, лишь один горький стон вырывается из него, и потом он опять пребывает в безмолвии. В полночь огромные жёлтые львы спускаются к реке, чтобы напиться воды. Их глаза светятся в ночи, подобно зеленоватым бериллам, а грозный рык звучит громче грохота водопада».

«Милый мой Скворец, — сказал Принц. — Далеко отсюда я вижу юношу, склонившегося над столом, заполненным бумагами. Он работает на низком чердаке, а рядом с ним, в стакане, стоит букетик засохших фиалок. У него коричневые, вьющиеся волосы и воспалённые, обветренные губы. Большие глаза устало смотрят на работу. Ему надо успеть закончить пьесу для Директора Театра, но юноша так замёрз, что уже не может писать. В камине давно нет огня, а от голода он уже обессилел».

«Я останусь с тобой ещё на одну ночь, — сказал Скворец. У него действительно было доброе сердце. — Мне отнести ещё один рубин?»

«Увы! У меня больше нет рубинов», — сказал Принц. «Всё что осталось, — это мои глаза. Они сделаны из редких драгоценных сапфиров, которые привезли из Индии тысячу лет назад. Выключи один из них и отнеси юноше. Он продаст его ювелиру, купит себе дров и окончит пьесу».

«Дорогой Принц, — сказал Скворец, — но я не могу этого сделать». И он горько заплакал. «Маленький, маленький скворчонок, — промолвил Принц, — сделай, как я велю».

Тогда Скворец выклевал один глаз Принца и полетел на чердак к бедному сочинителю. Попасть внутрь было нетрудно, потому что крыша была насквозь дырявой. Сразу под ней — тёмная комнатка. Юноша спал за столом, положив голову на руки, и не слышал шума птичьих крыльев. Когда очнувшись, он поднял голову — на засохших фиалках лежал великолепный сапфир. «Меня начинают понимать! — вскричал он. — Кто-то прочёл мою книгу. Сейчас, сейчас я закончу эту пьесу!» Теперь у него был вид самого счастливого человека на земле.

На следующий день Скворец полетел в гавань. Он сидел на мачте огромного парусника и смотрел, как моряки вытягивали на канатах большие ящики из трюма. «Взя-ли! Раз-Два!» — кричали они, поднимая очередной ящик. «Я лечу в Египет!» — закричал Скворец, но никому не было до него никакого дела.

Когда взошла луна, он залетел к Счастливому Принцу. «Я хочу попрощаться с тобой», — прокричал он. «Добрый Скворец, — сказал Принц, — ты не останешься со мной ещё на одну ночь?»

«Уже зима, — ответил Скворец, — и скоро сюда придёт холодный Снег. А в Египте солнце греет верхушки пальм, крокодилы нежатся в тёплой тине и лениво посматривают на всё вокруг. Мои друзья строят гнездо в Баальбеке, а белые и розовые голуби воркуют, наблюдая за ними. Дорогой Принц, я должен улетать, но я никогда не забуду тебя. Следующей весной я принесу тебе два прекрасных драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Рубин будет алее красных роз, а сапфир голубее Великого Моря».

«Там внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая продаёт спички. Она уронила спички в канаву, и теперь они все промокли. Отец будет бить её, если она не принесёт денег, поэтому она плачет. У неё нет ни ботинок, ни чулок, и ветер продувает её насквозь. Возьми мой второй глаз и отнеси ей, тогда отец не накажет её».

«Я останусь с тобой ещё на одну ночь, — сказал Скворец, — но я не могу взять твой второй глаз. Ты тогда станешь слепым!» «Милый мой Скворец! — сказал Принц. — сделай, как я велю тебе».

Скворец выклевал второй глаз Принца и ринулся вниз. Он промелькнул мимо девочки, а когда она опомнилась, в её ладони сверкал сапфир. «Какая стекляшечка!» — обрадованно сказала она и весело побежала домой.

Скворец вернулся к Принцу и сказал: «Ты теперь совсем слеп, и я останусь с тобой навсегда».

«Нет, маленький мой Скворец, — сказал несчастный Принц, — тебе пора лететь в Египет».

«Я останусь с тобой навсегда», — повторил Скворец и заснул в ногах у Принца.

Уже рано утром он сидел на плече у Принца и рассказывал ему всё, что он видел за морем. Он рассказал про красных ибисов, которые стоят вдоль берегов Нила и ловят своими клювами золотых рыбок; про Сфинкса, который стар как мир, живет один в страшной пустыне и знает всё, что происходит на земле; про торговцев, чинно путешествующих на спинах своих верблюдов с янтарными четками в руках; про чёрного, как смола, Царя Лунных Гор, который поклоняется Сияющему Кристаллу; про огромного зелёного змея, который живёт на пальме, а двадцать жрецов кормят его сладкими лепёшками; про карликов, которые переплывают озёра на листьях гигантских деревьев и вечно воюют с бабочками.

«Добрый мой Скворец, — сказал Принц. — Ты рассказал мне много удивительного, но что может быть удивительнее человеческого горя. Нет Тайны столь великой, как Страданье. Облети, маленький Скворец, мой город, и расскажи, что ты увидишь».

И Скворец полетел над городом и увидел богатых, веселящихся во все дни светло, и нищих, сидящих у ворот их. Он полетел по тёмным переулкам и увидел измождённые лица голодных детей, устало смотревших на пустынные, чёрные улицы. Под аркой моста, обнявшись, чтобы хоть немного согреться, лежали два мальчика.

«Есть хочется», — еле слышно шептали они.

«Здесь лежать не положено!» — прокричал им Смотритель Порядка, и они побрели куда-то под проливным дождём.

Скворец вернулся и рассказал Принцу всё, что увидел. «Я весь покрыт чистым золотом», — отвечал Принц. «Сними его, и раздай моим беднякам; люди уверены, что золото может сделать их счастливыми».

Листочек за листочком Скворец снимал золото, пока Счастливый Принц не стал совсем серым и печальным. Листочек за листочком он разносил золото бедным, и на лицах детей появился румянец. «У нас есть хлеб», — радостно кричали они, играя друг с другом и весело толкаясь. Потом пришёл Снег, а за ним и Мороз. Улицы стали такими светлыми и блистающими, словно они были

сделаны из стекла. Хрустальными кинжалами свисали с крыш длинные сосульки. Жители завернулись в шубы, а дети, надев тёплые шапочки, помчались на каток.

Маленький Скворец всё больше и больше замерзал. Когда булочник не видел его, он подбирал крошки перед дверью кондитерской. Бедняжка пытался согреться, хлопая крыльями. Наконец он понял, что умирает. Собрав свои силы, он последний раз взлетел на плечо Счастливого Принца.

«Прощайте, дорогой Принц! — выговаривал он. — Разрешите мне поцеловать вашу руку».

«Маленький Скворец, я рад, что ты наконец-то побываешь в Египте, — сказал Принц. — Ты слишком долго здесь задержался. Но тебе надо поцеловать меня в губы, ведь я люблю тебя».

«Но я отправляюсь не в Египет, — сказал Скворец. — Я отправляюсь в Замок Смерти. Смерть — сестра Сна, правда?» Он поцеловал Счастливого Принца в губы и упал на его туфли.

В этот момент странный треск прозвучал внутри памятника, будто что-то разбилось. Это оловянное сердце раскололось надвое.

Был жуткий мороз.

Следующим утром Городской Глава проходил по площади, окружённый своими Советниками. Подойдя к колонне, он поднял голову вверх. «Бог ты мой! — воскликнул он. — Наш Принц-то совсем поистрепался!» «Действительно», — сказали Советники, которые всегда соглашались с Главой, и тоже посмотрели наверх.

«Рубин выпал, глаз больше нет, и позолота облезла, — сказал Глава. — Ничуть не лучше нищего!»

«Ничуть не лучше нищего», — повторили Советники.

«И какая-то мёртвая птица у него в ногах! — продолжал Глава. — Нам надо издать Указ, что птицам КАТЕГОРИЧЕСКИ запрещается умирать здесь».

И Секретарь сделал пометку в своей записной книжке. Памятник Счастливому Принцу убрали.

«Раз он более не прекрасен, то он более и не нужен», — сказал Профессор Искусств в Университете.

Затем памятник расплавили в печи, и Городской Совет стал решать, что делать с металлом. «Конечно же, — сказал Глава, — надо сделать новый памятник. — И на этот раз мне».

«И на этот раз мне», — повторили Советники и сразу переругались друг с другом. Так они бранятся до сих пор.

«Что такое? — спросил сам себя Смотритель печи. — Это разбитое оловянное сердечко не расплавилось! Ну и шут с ним!» И он швырнул его на грязную свалку, где уже лежал мёртвый Скворец.

И сказал Господь Ангелу Своему: «Спустись в этот город и принеси Мне самое драгоценное, что найдёшь там». Пошёл Ангел по слову Господню, взял с мусорной кучи оловянное сердечко и мёртвую птицу и принёс их пред лицо Божие. «Ты правильно выбрал, — сказал Господь. — Голос Маленького Скворца не умолкнет в саду Моём, а Счастливый Принц восславит Меня в Небесном Городе Любви, и радости этой никто не отнимет у них».

Уайльд Оскар Фингал О'Флаэрти Уилс (1854–1900)

Английский писатель и критик. Ирландец по национальности. Окончил Оксфордский университет. Работал в лондонских газетах и журналах. Сказки «Счастливый Принц», «Звёздный мальчик» и «Стихотворения в прозе» Уайльда лиричны, возвышенны по стилю и содержанию. «Кентервильское привидение», «Преступление лорда Артура Севиля» — остросюжетные новеллы, пронизанные иронией. Образец интеллектуального романа конца XIX века — «Портрет Дориана Грея».

«Великолепный часослов герцога Беррийского»: одна из прекраснейших книг в истории мировой культуры

Даниил Санкин

«Великолепный часослов герцога Беррийского» или иначе «Роскошный часослов герцога Беррийского» (фр. *Tres Riches Heures du Duc de Berry*) — высокохудожественная иллюстрированная рукопись XV века, одна из самых прекрасных книг в истории мировой культуры и значимый памятник европейской готики. Наиболее известными иллюстрациями часослова является цикл из 12 миниатюр «Времена года», изображающих развлечения знати и крестьянские работы на фоне средневековых замков и природных ландшафтов.

Великолепный часослов был заказан герцогом Жаном Беррийским миниатюристам Полю, Жану и Эрману Лимбургам в 1410–1411 гг. и остался незавершённым после их смерти в 1416 г., предположительно во время эпидемии чумы.

Встреча трёх волхвов

Псалом 122

Жан Беррийский был третьим сыном короля Франции Иоанна II Доброго. Принц, унаследовавший любовь к книгам от родителей, прославился как меценат и коллекционер, его библиотека состояла из трёхсот томов собрания, в художественном отношении не имевшего себе равных. В настоящее время собрание книг герцога, в том

числе и «Великолепный часослов», хранится в музее Конде, поместье и замке Шантийи, переданных владельцами французскому государству.

Братья Лимбург, прославившиеся благодаря созданию «Великолепного часослова герцога Беррийского», родились в нидерландском городе Неймегене в семье

гравёра Эрмана Лимбурга. Мать художников была сестрой Жана Малуэля, работавшего при дворах Изабеллы Баварской и Жана Беррийского. Согласно документальным источникам, братья находились на службе у герцога с 1410 по 1415 г. Возможно, что старший брат Поль появился при дворе Жана Беррийского ранее, если считать, что именно он «немецкий художник», украшавший в 1408 г. замок Бисетр.

Первое упоминание манускрипта в источниках датируется 1416 г.; именно тогда в инвентаре, составленном после смерти герцога Беррийского, он описан как множество хранящихся в коробке несшитых тетрадей «одного очень богато украшенного часослова, расписанного Полем [Лимбургом] и братьями его». «Великолепный часослов» был оценён довольно низко, в 500 турецких ливров, так как рукопись не была завершена и переплетена.

Благовещенье

Манускрипт был переплетён в красный сафьян в XVIII веке, но его переплетали и ранее, по крайней мере однажды; на переплёте есть гербы генуэзской семьи Спинола и семьи Жана-Батиста Серра. Размер переплета 300 × 215 мм, книжный блок состоит из 31 тетради размером 290 × 210 мм. В часослове 206 листов, то есть 412 страниц, сгруппированных в пять частей, 66 полосных иллюстраций и 65 малых миниатюр.

Каждый пергаментный лист согнут вдвое, образуя два листа, или четыре страницы, манускрипта. Изначально каждая тетрадь состо-

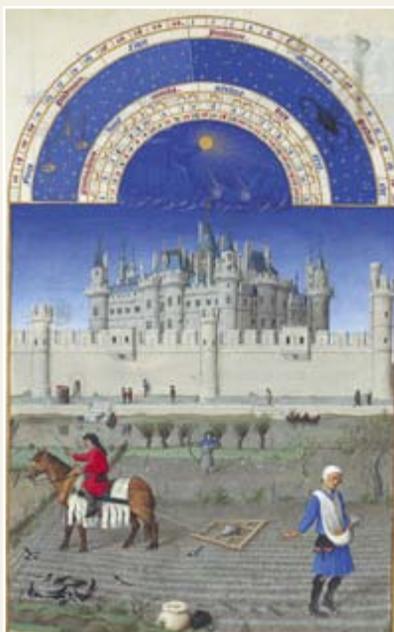

Сентябрь. Сбор винограда

Июнь. Сенокос

яла их четырёх таких двойных листов-кватернионов и, следовательно, содержала 16 страниц. В настоящее время лишь 20 из 31 тетради остались кватернионами, а остальные были либо добавлены, либо из них были изъяты листы. Наличие неоконченных фраз в конце некоторых тетрадей, не имеющих продолжения, также указывает на то, что рукопись сохранилась не полностью. В часослове имеются пустые страницы, как разлинованные, так и не имеющие никакой разметки. Указания-маргиналии для рубрикации

Октябрь. Сев озимых

ра, каллиграфа, выполнявшего заглавия, написанные на полях тонким пером светло-коричневой тушью, остались нестертыми, так как работа по завершению рукописи была прервана.

«Великолепный часослов» претерпел в своей структуре и оформлении значительные изменения до того, как был переплетён. При переплётё листы были значительно обрезаны, так что в некоторых местах утрачены элементы декора инициалов-буквиц и части обрамления миниатюр

Апрель. Пара молодожёнов обмениваются кольцами в саду

в виде архитектурных мотивов. Позднее все развороты были пронумерованы карандашом, за несколькими исключениями, номер стоит на правых частях листов. Нынешнее состояние «Великолепного часослова» оценивается как прекрасное. Листы рукописи сделаны из телячьего пергамента высшего качества, вырезаны из средней части кожи, имеют ровные края и лежат без складок и волн. Почти не наблюдаются расплывы чернильных пятен.

Часословами или часовниками, как правило, назывались рукописные книги, начинавшиеся с календаря, обычно сопровождавшегося изображениями развлечений, трудов, сценок из повседневной жизни в соответствующее время года. Далее следовала Литургия, состоявшая из библейских чтений и молитв, приуроченная к определённому часу.

Как правило, часословы дарили на бракосочетание, рождение первенца и другие значительные торжества. Часослов

Август. Соколиная охота

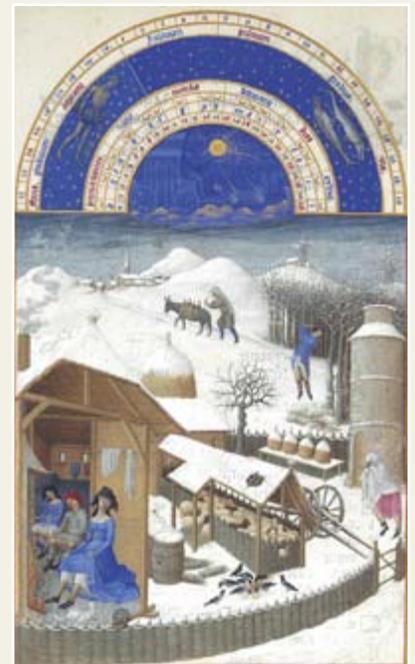
содержал важные сведения практического характера по астрономии, астрологии, медицине и прочим отраслям знаний, что делало его своеобразной ценной семейной энциклопедией. Рукопись сменила многих владельцев во Франции, Нидерландах, Италии. В 1856 г. его приобрёл герцог Омальский, который впоследствии и передал часослов в дар французскому государству.

Над созданием «Великолепного часослова герцога Беррийского» работало боль-

шое количество мастеров-художников. Братьями Лимбург было выполнено 65 миниатюр. В 1440-х гг. при дворе Рене Доброго, герцога Лотарингского, над рукописью трудился «Мастер теней» Бартеlemi д'Эйк. Между 1485 и 1489 гг. Карл I Савойский нанял для завершения работ Жана Коломба. Текст, заглавные буквы, маргинальные декорации (на полях) и позолота выполнены другими мастерами, имена которых по большей части не

сохранились. Таким образом, создание манускрипта, с перерывами, заняло около 80 лет.

Главную художественную ценность часослова составляют 12 миниатюр «Времена года», на которых изображены сценки из жизни знати и крестьян, соответствующие каждому месяцу. Миниатюры построены по общему принципу: сверху, в полукруге, небесная полусфера, на которой расположены знаки зодиака и градусы, небесные светила, количество дней в месяце, буквенные и цифровые обозначения Юли-

Февраль. Рубка дров

анского лунного календаря. Основанием служила картина-миниатюра с изображением различных сцен со множеством деталей и атрибутов, подходящая под определённое время года. Часословы часто содержали календарь, но иллюстрации-миниатюры «Времена года» оказались новаторскими с точки зрения тем, выбранных для изображения, композиции, а также высокого уровня художественного и технического исполнения.

Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймёшь чего — подскажет сердце.

Как будто я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он — редко, выпадет — и стаял. А у нас повалит — свету, бывало, не видать, дня на три! Всё завалит. На улицах — сугробы, всё бело. На крышах, на заборах, на фонарях — вот сколько снегу! С крыш свисает. Висит — и рухнет мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают в кучи, свозят. А не сгребай — увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья. Зато весной услышишь первые колёса... — вот радость!..

И. Шмелёв

Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженых свиной подвозят, — скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче — белугу, осетрину, судачка, наваж-

ку; победней — селёдку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество — свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалит, словно брёвна, — мороженые свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, — разводы розовые видно, снежком запарошило.

А мороз такой, что воздух мёрзнет — инеем стоит; туманно, дымно. И тянутся обозы — к Рождеству. Обоз? Ну, будто поезд... только не вагоны, а сани, по снежку, широкие, из дальних мест. Гусем, друг за дружкой, тянут. Лошади степные, на продажу. А мужики здоровые, тамбовцы, с Волги, из-под Самары. Везут свинину, поросят, индюшек — с «пылкого моро-

На улицах старой Москвы в канун Рождества

С. Коровин. Рождество

зу». Рябчик идёт, сибирский, тетерев-глухарь... Знаешь — рябчик? Пестренький такой, рябой... ну, рябчик! С голубя, пожалуй, будет. Называется — дичь, лесная птица. Питается рябиной, клюквой, можжевелькой. А на вкус, брат!.. Здесь редко видишь, а у нас — обозами тянули. Всё распродадут, и сани, и лошадей, закупают красного товару, ситцу — и домой, чугунок. Чугунка? А железная дорога. Выгодней в Москву обозом: свой овёс-то и лошади к продаже

своих заводов, с косяков степных.

Перед Рождеством, — дня за три, на рынках, на площадях лес ёлок. А какие ёлки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь» — тычинки. У нашей ёлки... как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу. А снег повалит — потерял дорогу! Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в ёлках — будто волки, право. Костры горят, погреть-

А. Прокофьев. Морозный день

ся. Дым столбом. Сбитенщики ходят, аukaются в ёлках: «Эй, сладкий сбитень! калачики горячи!..» В самоварах, на долгих дужках, — сбитень. Сбитень? А такой горячий, лучше чая. С медом, с имбирем — душисто, сладко. стакан — копейка. Калачик мёрзлый, стаканчик сбитню, толстенький такой, гранёный, — пальцы жжёт. На снежку, в лесу... приятно! Потягиваешь понемножку, а пар — клубами, как из паровоза. Калачик — льдышка. Ну, помакаешь, помягчает. До ночи прогуляешь в ёлках. А мороз крепчает. Небо — в дыму — лиловое, в огне. На ёлках иней, мёрзлая ворона попадётся, наступишь — хрустнет, как стекляшка. Морозная Россия, а... тепло!..

В Сочельник, под Рождество, — бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с мёдом; взвар — из чернослива, груша, шептала... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто — дар Христу. Ну... будто. Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Ёлочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь — звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон — другая... Стёкла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени.

А звёзд все больше. А какие звёзды!.. Форточку откроешь — резанёт, ожжёт морозом. А звёзды!.. На чёрном небе так и кипит от света, дрожит, мерцает. А какие звёзды!.. Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то

мёрзлость, через неё-то звезды больше, разными огнями блещут — голубой хрусталь, и синий, и зелёный, — в стрелках. И звон услышишь. И будто это звёзды — звон-то! Морозный, гулкий — прямо серебро. Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят — древний звон, степенный, с глухотдой. А то — тугое серебро, как бархат звонный. И всё запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звонном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... — гул и гул.

И в доме — Рождество. Пахнет натёртыми полами, мастикой, ёлкой. Лампы не горят, а всё лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий

Храм Христа Спасителя. Старинная открытка

свет, святой. Окна совсем замёрзли. Отблескивают огоньки лампадок — тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет

ёлка, ещё пустая, — другая, чем на рынке. За ней чуть брезжит алый огонёк лампадки-звёздочки, в лесу как будто...

Вид старой Москвы

Приютино:

от Крылова до Рубцова

Среди туристов, приезжающих в Петербург, пригородная историческая усадьба Приютино не пользуется большой популярностью. Туристы устремляются в первую очередь в Петергоф, в Павловск и Царское Село.

Парк в Приютино, в сравнении со своими прославленными соседями, совсем крохотный, да и здание музея-усадьбы из красного кирпича не может тягаться с роскошью императорских покоев. Но любителям таинственных уголков и почитателям русской поэзии стоит непременно посетить Приютино. Ведь почти все значительные поэты, художники и композиторы начала XIX века здесь бывали. И великие поэты двадцатого века тоже оставили следы в Приютино.

Начало литературной славы Приютино поло-

жил первый хозяин усадьбы, директор Императорской Публичной библиотеки и президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин.

В Приютино, в его большой загородный дом, приезжали друзья и знакомые: сотрудник Публичной библиотеки И. А. Крылов, переводчик Гнедич, Жуковский, Державин, художник Кипренский, братья Брюлловы, композитор Глинка, а также тогдашняя литературная молодёжь: Батюшков, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов...

Последних манили не только тишина и покой Приютинского парка, не только вкусные обеды и учёные беседы с хозяином, но и присутствие его юной дочери, Аннет Олениной. Именно ей Пушкин посвятил знаменитое стихотворение:

*Я вас любил.
Любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла
не совсем...*

Анна Оленина некоторое время всерьёз раздумывала, стоит ли ей выходить замуж за Пушкина. Но принять окончательное решение о браке могли только её родители. Они отказали Пушкину — прежде всего потому, что поэт был небогат и незнатен, кроме того — находился под надзором полиции. Сама Аннет вряд ли была влюблена в Пушкина, хотя интересовалась поэзией, собирала стихи Александра Сергеевича и других поэтов в своём альбоме.

Впрочем, отказ получил и М. Ю. Лермонтов, и многие другие, сватавшиеся к Анне Олениной или признававшиеся в своей любви. Она вышла замуж за офицера Ф. А. Андро

(впоследствии графа Ланжерона, вице-президента Варшавы) только в 1840 году, через 3 года после смерти Пушкина. Муж увёз Аннет в Польшу, где они прожили вместе 40 лет. В своих поздних воспоминаниях Анна Оленина жалуется, что муж запрещал ей вспоминать о Пушкине и других друзьях молодости, запрещал разговоры о Приютино.

После смерти родителей Анны Алексеевны и её отъезда Приютинская дача опустела. Наследники продали её коллежскому советнику Адамсу, который организовал в усадьбе молочную ферму. «Обитель муз» на долгое время превратилась в сельскохозяйственное предприятие и ничем уже (кроме архитектуры) не отличалась от других пригородных ферм в немецком духе, которых вокруг Петербурга было

множество. Владельцы Приютина менялись несколько раз, но все они так или иначе были связаны с молочным производством. С возникновением советской власти в Приютино был организован совхоз.

Казалось бы, поэтическая слава покинула Приютино вместе со смертью его первого и самого культурного владельца. Но связь Приютино с поэзией продолжалась — правда, иногда помимо воли самих поэтов. Двадцатый век перевернул бывшие отношения с ног на голову. Теперь поэты в Приютино не отдыхали, а трудились и умирали. В окрестностях усадьбы — исследователи называют два разных места, но оба неподалеку от Оленинского дома — в 1921 году за участие в контрреволюционном заговоре расстреляли поэта Николая Гумилёва. Сейчас на предпола-

гаемых местах его казни установлены памятные кресты. В день его гибели здесь собираются современные поэты, любители литературы.

В пятидесятые годы в Приютино, в комнате брата Альберта, прописался поэт Николай Рубцов. Комната эта находилась в главном здании усадьбы, Оленинском «дворце», давно превращённом в общежитие. Рубцов жил в доме, стены которого помнили речи Пушкина, музыку Глинки, знали самых ярких художников и самых блестящих офицеров Пушкинской эпохи. Но поэтическая жизнь двадцатого века совсем не походила на жизнь светского общества века девятнадцатого. Вместо изящной мебели, поэтической речи, богатого стола Рубцова окружали в Приютино бедность, неприютность, грязь и гру-

Анна Алексеевна Оленина

бость. Да и сам Рубцов в «подбитом ветром» пальтеце не походил на тогдашних аристократов. Одно только было у них общее — поэзия.

Жили в общежитии рабочие и служащие. Многие трудились на артиллерийском полигоне, который начинается сразу же за оградой нынешнего музея. Николай Рубцов тоже устроился работать на полигон, а по вечерам играл на гармошке местным девушкам частушки и свои собственные песни. Отсюда он уходил служить на флот, сюда же он вернулся со службы со стихами первой своей книги. В газете «Трудовая слава», редакция которой находилась неподалеку от Приютино, во Всеволожске, Рубцов впервые опубликовал стихи, ставшие позднее классическими.

Сейчас в усадьбе Приютино — музей. Восстановлены интерьеры господского дома. На стенах висят портреты Анны Олениной, её родителей, Пушкина. Часто звучат здесь стихи, классическая музыка, выступают артисты и дет-

ские коллективы: музей проводит то один, то другой поэтический праздник. Но это не возвращение счастливой эпохи Олениных — это только память о ней. И даже память эта постоянно находится под угрозой. Сырость и морозы разрушают старинные кирпичи, из которого построены здания усадьбы. Был риск полной утраты архитектурного комплекса в результате реконструкции идущего из Петербурга шоссе. Здания удалось отстоять, однако теперь оживленная трасса разделяет надвое и без того крохотные остатки бывшей усадьбы.

Сохранилась лишь её центральная часть. Ближайшие окрестности давно застроены дачами, промышленными объектами, распаханы под поля. Грохот проносащихся мимо машин, который слышен в усадьбе, мешает посетителям сосредоточиться, и запах выхлопных газов веет над тихим усадебным прудом. Задняя часть музейного комплекса примыкает к артиллерийскому поли-

Алексей Николаевич Оленин

гону, откуда время от времени доносятся взрывы и пулемётные очереди.

Приютино словно находится в осаде и ждёт решения своей участи. Это место пережило блестящую аристократическую эпоху, познало власть капитала, затем советскую власть, войну (в Приютино находился военный аэродром), послевоенную бедность, едва не стало жертвой поголовной автомобилизации. Что несёт Приютину будущее?

Вход в музей в Приютино

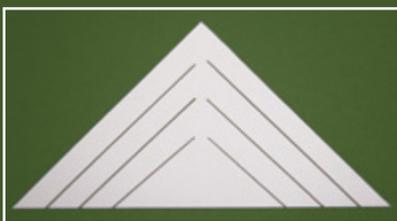
Снежинку выполнила
и сфотографировала Г. Лопачёва

Юлия Часовских

Объёмная снежинка

Для того чтобы сделать одну снежинку, понадобятся: 6 квадратных листочков бумаги одинакового размера, ножницы, линейка, карандаш, скотч, степлер, нитка или другой материал для подвешивания снежинки

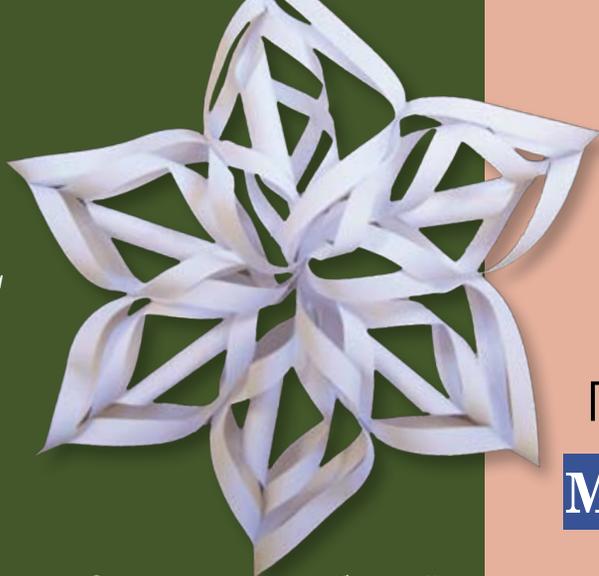
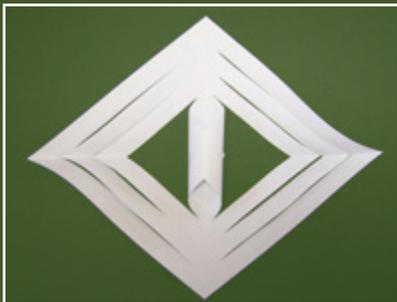
1 Каждый кусочек бумаги сложите по диагонали и начертите на нём по линейке будущие прорезы:

2 Прорезаем намеченные прорезы и разворачиваем листочки бумаги:

3 Начинаем скручивать трубочки для формирования снежинки из бумаги, заклеивая их скотчем:

4 Следующую «рамку» будущей бумажной снежинки скручиваем уже в другую сторону. Стороны чередуем, получаем шесть блоков:

5 В каждой половинке снежинки из бумаги, которую мы делаем своими руками, будет по три таких блока, скреплённых степлером:

6 Блоки тоже скрепляем между собой, в одно из таких креплений вставляем ниточку для подвешивания:

Снежинки можно сделать разных цветов, фактур и размеров, варьировать можно и количество надрезов.

Геннадий
ПРАВОТОРОВ

Милая сказка

Последний день
уходящего года,
Замерло всё.

Прошла суета.
Падает снег.

Приутихла погода.
Белым всё бело!

Сама красота!

Но страсти кипят
у всех по квартирам,
Готовят подарки,
на радость детей;
Тайна витает над
благостным миром,
В планах и мыслях —
море затей!

Продумать, чтоб
вовремя всё
получилось,
Чтоб незаметно
возник Дед Мороз,
Чтоб для детишек
чудо свершилось,
И год ожидаемый
радость принёс.

Суд над Декабрём

Собрались на озере птицы и звери.
Декабрь судить.

Уж очень все от него натерпелись.

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я в ночную смену работаю, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди, от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скуку осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

А из полыньи вдруг высовывается Налим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон глазами, но судит дальше:

— Снега в Декабре очень плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отощали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что с Декабрём делать — неизвестно. Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!..

Жалобы на сугробе

Тра-та-та-та! Что я видела, что я слышала! Ребята птицам прекрасную столовую — большую, бесплатную, с самообслуживанием! — устроили, а они, неблагодарные, на соседнем сугробе на них жалобы пишут! Привередничают и капризничают.

Чечётки лапками на снегу наследили: «Семечки и конопля в столовой не давлены. Клюв свихнёшь, пока их раскусишь! У нас от такой пищи мозоли на языке!» Большая синица носом выстукала: «Сало салу рознь! Могли бы вывешивать и несолёное, у нас от солёного животы болят!» Пухляк коготком нацарапал: «Безобразия! Прилетел перекусить, а столовую снегом засыпало! До вечера коноплю раскапывал. Хоть бы навес сделали, что ли!» Овсянка напрыгала:

«Осталась голодная, обед ветром сдуло! Кто сделал кормушку без бортиков? Ветер у него в голове!»

Снегирь хвостом начертил: «Где семена сорняков? Где рябина, калина и бузина? Где арбузные и дынные семена?»

Тра-та-та-та! Ой, что-то будет, ой, кто-то рассердится!

Сергей Глядков

Достижения цивилизации

Что такое телевизор

Изобретение телевидения было подготовлено целым рядом смежных изобретений. Это в первую очередь фотография — в 1839 году Луи-Жак Дагер предложил технологию дагеротипии. Затем изобретение кино — в 1895-м братья Люмьер организовали в Париже первый киносеанс. Этот же год считается датой изобретения радио (первооткрывателями в этой области признают Александра Попова, Гульельмо Маркони и Никола Тесла). Перед инженерами стояла довольно очевидная задача — объединить

все это в одно, но была очевидна и её сложность.

Как всегда при решении таких сложных задач нельзя назвать единственного изобретателя, но можно отметить вклад разных инженеров. Первое решение предложил Пауль Нипков в 1884 году. Диск Нипкова был основой механической развертки в телевизоре. Механическое телевидение просуществовало почти 10 лет. В Москве первая экспериментальная передача без звукового сопровождения состоялась 1 мая 1931 года, а с 1934-го — началось регулярное телевидение. Первой передачей был 25-минутный эстрадный концерт. В качестве телеприёмника использовалась специальная приставка к обычному радиоприёмнику. В СССР с 1933 по 1936 год промышленностью было выпущено 3000 таких устройств, но среди радиолюбителей получило распространение самостоятельное изготовление телеприставок. Картинка была размером со спичечный коробок. Чтобы принимать звук нужен был ещё один радиоприёмник.

Механическое телевидение было не более как технический аттракцион, и настоящая история телевидения началась с внедрения электроники. Тем не менее механическая

Механическая телеприставка «Б-1». 1933 год

развёртка продолжала использоваться в некоторых особых случаях. Например, в 1966 году при передаче советским спутником с лунной поверхности первой в истории Лунной панорамы использовалась именно механическая развёртка.

В электронном телевидении диск Нипкова был заменён иконоскопом, электронной трубкой, преобразующей картинку на экране в электронный сигнал. Его придумали независимо двое русских: Семён Катаев в России и Владимир Зворыкин, к тому времени уехавший в Америку. Как обычно, идею предложил в 1931 году Катаев, но работающее устройство двумя годами позже первым построил Зворыкин, обладавший несравнимо большими техническими ресурсами. С 1940 года началось победное шествие электронного телевидения, которое привело к его расцвету во второй половине XX века.

Развитие телевидения в разных странах происходило по-разному. В США победила коммерческая схема: телевидение развивалось за счёт рекламы и получало доход, стимулируя продажу телевизоров. Именно дух предпринимательства толкал телеиндустрию Америки к поиску новаторских технических решений, созданию новых, интересных потребителю продуктов. Здесь впервые было внедрено цветное телевидение, здесь создавалась самая передовая телеаппаратура, здесь был построен первый видеоманитофон — до этого все передачи транслировались вживую.

В других странах и в первую очередь в России телевидением заинтересовалась власть, сделав из него орудие пропаганды, способ формировать общественное мнение. Такой подход обеспечивал особое внимание к отрасли. Вкладывались деньги в техническую модернизацию, расширение вещательной сети, запуск спутников-ретрансляторов. Но именно пристальное внимание власти наложило на телевидение свою печать, ограничивая свободу творчества, сужая тематику, что и привело впоследствии к кризису вещательного телевидения. Телевидение, которое на заре развития представлялось окном, широко распахнутым в мир, выродилось в шоры на глазах — телегламур и беспросветную, однообразную жвачку сериалов.

Сейчас серьёзным конкурентом телевидения является Интернет. И телевидение проигрывает в этой борьбе. Правда, сдаваться оно пока не собирается. Совершенствуется

Первый советский чёрно-белый телевизор «КВН». 1949 год

приёмная аппаратура: если во времена чёрно-белого телевидения экран в полметра считался огромным, то сейчас никого не удивишь и экраном в несколько метров; ушла в прошлое электронно-лучевая трубка — экраны стали плоские: плазменные или светодиодные; телевизоры становятся адаптивными, например они могут изменять свою яркость в зависимости от освещения в комнате. Совершенствуются способы доставки телевизионного сигнала. Внедряются новые форматы телевидения: высокое разрешение, трёхмерность.

Современный телевизор — это фактически особый тип компьютера, у которого очень мощный видеоканал, но сведены к минимуму вычислительные ресурсы. Однако все элементы компьютера присутствуют: он может работать как сетевой компьютер, есть гнезда для подключения мыши, клавиатуры и дополнительной памяти, возможно WI-FI соединение. Т.е. телевизор ещё раз доказал свою приспособляемость, он не стал ждать, пока его победит компьютер, он сам превратился в него...

Современный телевизор стал трёхмерным

Праздничный НОВОГОДНИЙ СТОЛ

На новогодний праздник ты сам можешь приготовить несложные и вкусные блюда. Вот несколько угощений, которые наверняка понравятся тебе и твоим друзьям.

1. Печенье «Рождественский сапожок»

Нужно взять:
500 г муки
100 г сахара
щепотку соли
1 яйцо
1 желток
250 г масла

Муку, сахар, яйцо, соль, желток и масло смешай в миске. Вымешивай тщательно, пока не получится однородная масса.

Тесто скатай в шар, заверни в фольгу и положи на 2 часа в холодильник. Затем раскатай шар на посыпанном мукой столе. По выкройке вырежи из раскатанного теста сапожок.

Сапожок положи на смазанный маслом противень и поставь в разогретую духовку. Выпекай 10–15 минут при температуре 200 градусов в электроплите или на отметке «3» в газовой духовке.

Дай остыть. Глазурью нарисуй на «сапожке» узоры.

ГЛАЗУРЬ

Разотри сахарную пудру с белком. В глазурь можно добавить пищевые красители: голубой, розовый, зелёный. Кисточкой нанеси глазурь на печенье. Когда печенье высохнет, помести оставшуюся глазурь в кулёк и нанеси рисунок.

2. Яйца, фаршированные шпротами

На 4 порции понадобится:
4 яйца
1 баночка шпрот
2 ст. ложки майонеза
щепотка соли
щепотка перца

Яйца вари в течение 10 минут; потом поставь их под струю холодной воды (тогда будет легко их очистить от скорлупы).

Очищенные яйца разрежь пополам. Чайной ложечкой достань желтки.

Разомни желтки вилкой вместе со шпротами, майонезом и перцем, а затем разложи полученную массу в половинки яиц.

3. Фруктовый салат

Нарежь кусочками грушу, бананы, сладкие яблоки, персики, положи виноград без косточек. Добавь взбитые сливки.

Даниил Хармс

Был Володя на ёлке...

Был Володя на ёлке. Все дети плясали, а Володя был такой маленький, что ещё даже и ходить-то не умел.

Посадили Володю в креслице.

Вот Володя увидел ружьё: «Дай! Дай!» — кричит. А что «дай», сказать не может, потому что он такой маленький, что говорить-то ещё не умеет.

А Володе все хочется: аэроплана хочется, автомобиля хочется, зелёного крокодила хочется. Всего хочется!

«Дай! Дай!» — кричит Володя.

Дали Володе погремушку.

Взял Володя погремушку и успокоился.

Все дети пляшут вокруг ёлки, а Володя сидит в креслице и погремушкой звенит. Очень Володе погремушка понравилась!

Середина 1930-х

БУХТИНЫ

Художник
О. Евстигнеева

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

Как встречают Новый год

В каждой стране и даже в каждой семье свои традиции встречи этого праздника.

Первыми Новый год встречают жители Новой Зеландии и островов Фиджи. В нашей стране к жителям Чукотки и прибрежных островов приходит к первым новый год.

Не все народы отмечают этот праздник 1 января. Например, мусульмане используют лунный календарь. И дата Нового года у них сдвигается на 11 дней.

Буддисты отмечают Новый год в первое весеннее новолуние (между 21 января и концом февраля). Его дату каждый год высчитывают по астрологическим таблицам.

Так встречают праздник в Китае, Корее, Монголии и некоторых других странах. А в Индии дата празднования зависит от места проживания. На юге Новый год встречают в марте, на севере страны — в апреле, на западе — в конце октября, а в штате Керал — то в июле, то в августе.

На острове Бали год длится всего 210 дней, поэтому его жители чаще других отмечают этот праздник.

ИГРОТЕКА

Ответ на ребус с 36.

Дед Мороз тоже

В третьем классе Соня перестала верить в Деда Мороза.

Когда человек перестаёт верить в Деда Мороза, это значит, что детство кончилось.

Почему так случилось? Может быть, оттого, что родители Сони все чаще ссорились. Девочка тихонько сидела в своей комнате, чтобы не мешать родителям «выяснять отношения» — так они это называли.

Однажды папа уехал, не простившись с Соней.

Мама сказала:

— Он уехал в командировку и вернется нескоро.

Соня замечала, что мама расстроена. Иногда у неё были припухшие глаза.

— Ты плакала? — спросила Соня.

— Нет, просто резала лук. От него глаза слезятся.

Ей не говорили правду. Соня всё понимала, но делала вид, что верит маминым словам.

Приближался Новый год. Впервые дома не было ёлки, не было шумных приготовлений к празднику. И не хотелось ничего — ни ёлки, ни праздника, ни подарков.

Потом мама как будто опомнилась и спросила:

— Какого подарка ты ждёшь от Деда Мороза?

Соня хотела сказать: хочу, чтобы мы снова были вместе, чтобы жили дружно, как раньше... Но Дед Мороз таких подарков не приносит. Да и нет его на свете, Деда Мороза. Поэтому Соня ответила:

— Даже не знаю. У меня всё есть.

— Ты подумай. А я передам Деду Морозу, — сказала мама.

Окончились занятия в школе. Соня впервые не радовалась каникулам. Она не знала, чем будет заниматься дома.

Девочка возвращалась домой. Уже на лестнице достала ключи — мама в это время всегда была на работе.

Возле двери их квартиры стоял... Дед Мороз. С длинной белой бородой и красным носом, в мохнатом тулупе.

— Здравствуй, Соня! — сказал он.

— Здравствуйте, дедушка. Вас мама позвала? — спросила Соня.

— Нет, я сам пришёл.

Девочка недоверчиво его разглядывала.

И вдруг попросила:

— А можно я подержаю за бороду?

— Ну, подёргай, — разрешил дед.

Подёргала. Не отрывается.

— А можно я потяну за нос?

— Ну, потяни.

Человек

Потянула. Не отваливается.

— А почему вы без мешка? — спросила Соня.

— Потому что твой подарок в мешок не положишь. Ты мечтаешь о самом-самом важном, самом-самом главном. Верно?

Соня кивнула.

— Есть одно важное условие. Понимаешь, я хоть и Дед Мороз, но тоже человек. А каждому человеку хочется, чтобы в него верили. Но самое главное, ты должна верить, что твоя мечта сбудется. Не важно, с Дедом Морозом или без него. Ты верь!

С этими словами он выдохнул облако пара. Оно окутало весь этаж. Когда пар рассеялся, Деда Мороза уже не было.

Соня не заметила, как оказалась в квартире. Не хотелось греть обед. Она села на диван, включила телевизор. Шла реклама: Санта-Клаус ехал на санках, запряжённых оленями, звенели бубенцы, звучала песенка:

«Праздник к нам приходит! Праздник к нам приходит!...»

Соня выключила телевизор и легла, свернувшись калачиком.

«Санта-Клауса точно нет, — думала она. — Он какой-то смешной, в колпачке с помпончиком... Дед Мороз — другое дело! Он настоящий, ведь он знает, чего я хочу. Поэтому я...»

Соня не додумала свою мысль. Пульт от телевизора выскользнул из пальцев. Девочка уснула...

...Папа и мама вошли тихо, словно боялись, что их будут ругать за долгое опоздание. Папа нес пушистую ёлку, мама свёртки с подарками.

Родители склонились над спящей девочкой. В комнате уже было темно, но лица у них словно светились. Долго-долго они так стояли.

А в окно заглядывала необыкновенно яркая звезда.

Здравствуй, Роман-газета!

Меня зовут Вероника Павлюкова, мне 12 лет, я из города Зверево Ростовской области. Написала свой первый рассказ в 3 классе.

Посылаю Вам свой лучший рассказ, который называется «Две интересные встречи». Посвящён он моему любимому композитору — Вольфгангу Амадею Моцарту. Я написала этот рассказ 22–24 января 2015 года, а 27 января (в день рождения композитора) «Две интересные встречи» появились в социальной сети «Одноклассники». Как потом оказалось, этот рассказ оценили не только мои друзья.

Место действия рассказа не придумано — оно действительно существует в моём родном городе Зверево.

*Вольфгангу Амадею Моцарту
посвящается...*

Две интересные встречи

Когда-то, не помню какого числа и месяца, но помню, что это было летом, когда у всех школьников были летние каникулы...

Был самый обычный день, такой же, как все летние... Конечно, я так думала.

Я вышла на улицу и пошла покататься на качелях.

И пока я шла, меня окружала очень красивая природа: ярко-зелёная трава, разноцветные бабочки, пение птиц. Даже берёза, что стоит у качелей, и та была красивей, чем всегда. И тогда я поняла: это знак, что должно случиться какое-то чудо...

Не успела я об этом подумать, как появился мальчик, очень необычный для моего времени: в малиновом пиджаке с белым жабо, в парике с синим бантиком и в чёрных туфлях на каблуке. Ещё я могу сказать, что он был иностранцем, потому что то, что он пытался сказать, дети не понимали, только пожимали плечами и бежали дальше.

Но самое удивительное было то, что когда я подошла к этому мальчику, я даже не поняла, что произошло: то ли он заговорил со мной по-русски, то ли я стала понимать его язык.

Но сначала мы ничего не говорили, а просто смотрели друг на друга.

У меня мельнула мысль о том, что я знаю этого мальчика-чужеземца, что я видела его в одном моём любимом мультике.

Моя догадка казалась просто удивительной. Я хоть и считала, что моя мысль слишком глупа, всё-таки решила развеять свои сомнения и окликнула своего собеседника:

— Здравствуй, Амадей!

Как ни странно, он обернулся. И чем больше он говорил или задавал мне вопросы, тем больше я удивлялась.

По его рассказам, я поняла, что он знает меня как хорошую зрительницу, которая с большим удовольствием смотрела почти что правдивый мультфильм о его детстве и приключениях. И ещё он знает о том, что я жду, чтобы его показали вновь. Появилось тысячи зрителей, любивших «Маленького Моцарта».

Этот австрийский мальчик сказал мне, в каком маленьком, но прекрасном городе я живу. Он сыграл мне на прощанье на скрипке и... превратился в маленькое белое облачко, которое было хорошо заметно на чистом, голубом небе, которое уплывало от меня в неведомую даль...

На следующий день я пришла на то же самое место. Смотрю: опять иноземец ходил среди маленьких и юных зверевчан. Когда он прошёл мимо меня, я увидела, что он, хоть и был взрослым, был невысок. На нём был такой же, как на Амадее, пиджак, только красного цвета и без жабо. И внешне он был необычайно похож на Амадея. И он будто мысль мою прочёл: незнакомец сам подошёл ко мне:

— Позвольте представиться. Меня зовут Вольфганг Амадей Моцарт. — И поклонился.

И тут случилось то, чего не ожидал никто. Этот великий композитор превратил обычную полянку с качелями в волшебное место! Сначала он играл на скрипке свои музыкальные произведения.

Скажу вам честно: музыка его волшебна и сам он — волшебник. Потому что когда он играл музыку, мы каждый раз попадали в прекрасную страну. Где голубое небо с семицветной дугой, там

много зелёной травы и цветов. Там соловьи словно подпевали ему. Там из его скрипки лились ноты.

И ещё по волшебству появилось пианино. И Вольфганг играл на нем так же чудесно, прекрасно и волшебно, как и на скрипке.

Но всё когда-нибудь кончается, и Моцарт закончил играть. Все так расстроились. Ведь у прекрасного исполнителя оказалось очень много зрителей. Все думали, что чудеса закончились. И вот что сказал нам австрийский композитор на прощанье:

— Душой я всегда с вами!

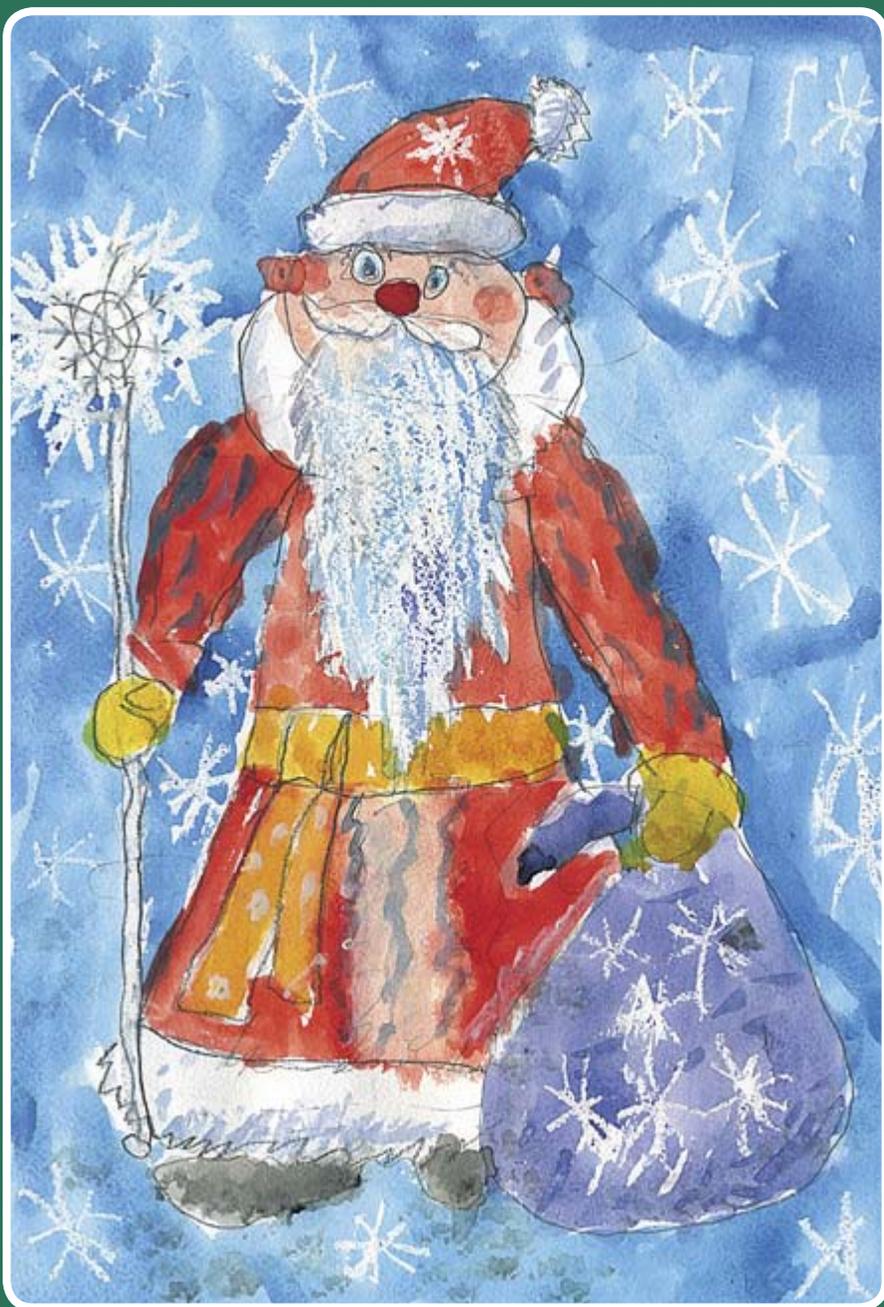
Он превратился в золотую пыль. Он подлетел к самому солнцу, пылинки летали вокруг нашего светила, и случилось кое-что необычное. Как будто лучи у солнышка стали длиннее, оно стало светить ярче и радовало всех вокруг своим светом.

Наверное, много времени прошло с этой истории.

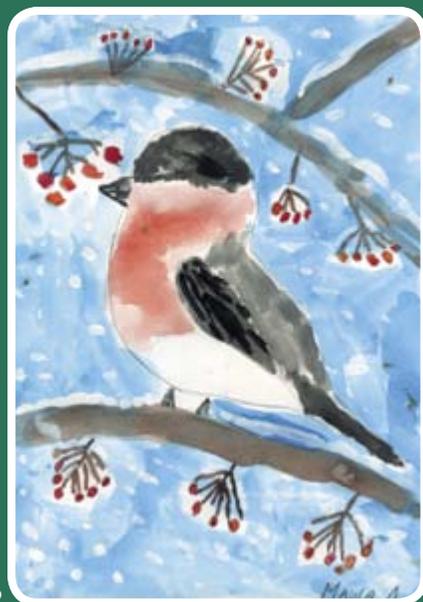
Этот музыкант совсем недавно напомнил о себе. На уроке музыки изучали его. Мне очень понравились мелодии, которые звучали на уроке, я их нашла и до сих пор слушаю их. Ту чудесную музыку, которые Вольфганг играл на поляне, я тоже нашла, которая вошла в мой сборник «На уроке музыки». И ещё я читала биографию этого невыдуманного человека.

Очень волшебная получилась история, не правда ли?

Наш ВЕРНИСАЖ

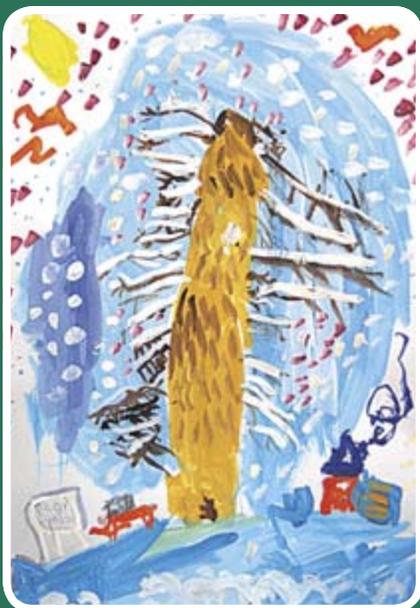
1

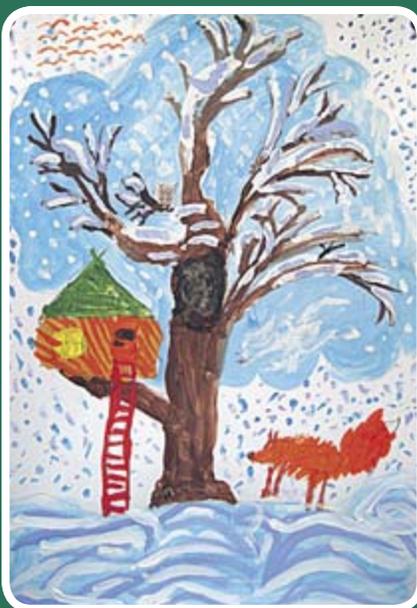
2

Изостудия «Школа музыки и красок» находится в Новой Москве, в городе Московский. Преподаватель — Лопачёва Галина Васильевна.

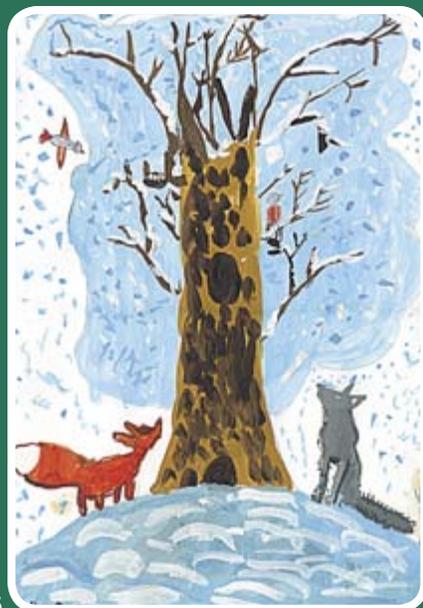
1. Смирнов Фёдор, 7 лет. «Дед Мороз»
2. Ларченкова Маша, 6 лет. «Снегирь»
3. Максим Надыров, 7 лет. «Дерево зимой»
4. Кожурин Фёдор, 7 лет. «Зимой в лесу»
5. Гинкота Нил, 9 лет. «Зима в лесу»

3

4

5

РОМАН-ГАЗЕТА 12 етская

2015 (198)

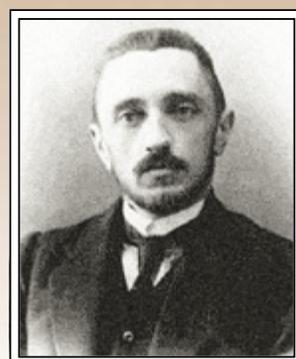
Главную художественную ценность часослова составляют 12 миниатюр «Времена года», на которых изображены сценки из жизни знати и крестьян, соответствующие каждому месяцу. Часословы часто содержали календарь, но иллюстрации-миниатюры «Времена года» оказались новаторскими с точки зрения тем, выбранных для изображения, композиции, а также высокого уровня художественного и технического исполнения.

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Суд над Декабрём

Жан Лимбург. Празднование первого майского дня

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
Иван Шмелёв

ИЗ БАБУШКИНОГО СУНДУКА:
Праздничный новогодний стол

РАССКАЗЫ:
Дед Мороз тоже человек